

ШУЛЬГА М. В.

УНИФИКАЦИЯ РУССКОГО СУБСТАНТИВНОГО СКЛОНЕНИЯ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРУКТУРЫ РОДОВЫХ И ЧИСЛОВЫХ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

История именного склонения в существенных своих чертах представляет собой историю устранения (точнее: ограничения, сокращения) синонимии падежных флексий. Унификация синонимических морфологических средств — это один из путей реализации более общей тенденции языкового развития, «тенденции к однозначной соотнесенности грамматических значений и способов их выражения» [1, с. 157].

Ограничение синонимии падежных флексий в истории русского языка связано в основном с выражением грамматических значений рода и числа. В ходе развития русского языка устанавливается более тесная связь между грамматическим значением и его выражением в падежных формах. Участие грамматического рода в унификации древнерусских типов склонения является традиционным аспектом историко-лингвистических исследований. В отношении к грамматическому числу такой подход сформулирован и разворачивается в недавних работах В. М. Маркова, К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева [2, 3, 1]; он подготовлен многочисленными работами по истории числовых противопоставлений и унификации типов склонения во множественном числе.

Как это характерно для языков синтетическо-флективного строя, значения рода, числа и падежа в русском языке выражаются синкретически. Каждая флексия является членом нескольких оппозиций: по роду, числу и падежу. Многофункциональность флексии предопределяет теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность многих морфологических процессов, отражающихся во флексии. Изменения в выражении, например, родовых грамматических значений так или иначе отражаются на системе числовых и падежных противопоставлений. В связи с этим направление причинно-следственных связей в грамматическом развитии тесно спаянных языковых категорий часто бывает неясным. Этим оправдана настоящая попытка очертить и разграничить сферу действия категорий рода и числа в области устранения синонимии падежных флексий.

О морфологическом выражении какой-то грамматической категории можно говорить тогда, когда в системе языка разным категориальным грамматическим значениям соответствуют разные морфемы. Последовательное выражение грамматической категории исключает морфологическую омонимию. С этой точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что омонимия средств морфологического выражения категорий рода и числа преодолевается не в одних и тех же звеньях системы. Другими словами, родовые и числовые противопоставления на морфологическом уровне организованы по-разному.

Остановимся на структурной организации родовых противопоставлений.

Ни в одной отдельно взятой падежной форме (так сказать, в горизонтальном ряду) родовые значения последовательно не дифференцированы. В каждой из форм наблюдается омонимия флексий по отношению к роду, по крайней мере, частичная. Например, в форме И. ед. в древнерусском языке по флексии не различаются слова муж. и жен. рода типа *гость* и *кость*, или *земля* и *уноша*, или *камы/камень* и *църкы/църкъвь*. Примером полной омонимии может служить форма М. ед., где каждая из флексий

(-ѣ, -и и -е) употребляется и в муж., и в жен., и в ср. роде (*плодѣ, странѣ, селѣ; кони, гости, земли, кости, поли; камене, матере, църкѣве, словесе, имене*). На этом основании во многих работах делается вывод о непоследовательном, необязательном, факультативном выражении грамматического рода на морфологическом уровне.

По-видимому, дело обстоит несколько иначе. Морфологически значения грамматического рода выражаются не в горизонтальном ряду, а в вертикальном, т. е. не в каждой отдельно взятой падежной словоформе, а во всей совокупности падежно-числовых форм существительного, в его парадигме.

В этом отношении по-разному охарактеризованы существительные, у которых род семантически не мотивирован (например, *плодѣ, страна, село*), и существительные, у которых род отражает семантику пола (*отць, воевода*). Для первых морфологическое выражение грамматического рода обязательно уже в исходной системе древнерусского языка. Системы падежно-числовых форм любых двух таких слов разного грамматического рода непременно различаются (минимально — двумя членами парадигм, как парадигма типа *путь — кость*: Т. ед. *путьмь*, но *костию*, И. мн. *путье*, но *кости*, при общности всех остальных форм). Омонимии парадигм в отношении к роду здесь не наблюдается.

Естественно, что род как грамматическое (в частности, морфологическое) явление формируют существительные с семантически немотивированным значением рода. Именно они составляют трехчленное противопоставление (муж., жен. и ср. род), тогда как слова, у которых род отражает семантику пола, образуют лишь двучленное противопоставление (муж. и жен. род). В морфологическом плане специфика последних состоит в том, что последовательно (в парадигме) у них оформлено лишь значение жен. рода (*жена, мати, свѣкры/свѣкрѣвь*). Значение мужского грамматического рода на морфологическом уровне, т. е. в системе падежных флексий, может быть выражено (*отць*), но может и не выражаться, в этом случае названия лиц мужского пола оформляются по женскому морфологическому роду (*воевода, кѣрмѣчи*, как *сестра, кѣнягыни*).

Следовательно, в системе падежно-числовых форм выражение рода факультативно лишь для существительных, у которых род отражает семантику пола. Здесь можно, по-видимому, предполагать проявление принципа дополнительности: то, что обозначено на лексическом уровне, на морфологическом может и не обозначаться. Существительные с номинативным значением рода сохраняют своеобразие морфологического оформления на протяжении всей истории русского языка. Но для морфологической структуры рода они представляют собой в общем-то периферийное явление.

Грамматические значения категории числа морфологически организованы иначе, чем родовые. Противопоставление по числу обнаруживается в горизонтальном ряду: каждая отдельно взятая падежная словоформа морфологически однозначно обозначает то или иное числовое значение. Каждая флексия является одновременно и падежным, и числовым (следовательно, падежно-числовым) показателем. Ср.: И. п. *столѣ* — ед. ч., *стола* — дв. ч., *столи* — мн. ч. Морфологическим показателям числа не свойственна омонимия.

Если верны эти наблюдения над структурной организацией родовых и числовых противопоставлений как противопоставлений вертикального и горизонтального рядов, то с их позиций по-разному предстает и сфера морфологической синонимии категорий рода и числа. Родовая синонимия — это множество падежно-числовых парадигм существительных одного грамматического рода, например, в мужском роде парадигм *плодѣ, конь, медѣ, староста, судии, уноша, гость, камы/камень, днь*. Ее преодоление должно выражаться в объединении всех этих парадигм в одну парадигму.

Числовая синонимия создается набором флексий, соответствующих одному числовому значению в конкретной (и в каждой) падежной форме. Например, во мн. числе для И. падежа это синонимия флексий *-и, -ы, -ѣ, -е, -ове, -а*. Ее преодоление состоит в устранении этого многообразия флек-

сий, в обобщении какой-то одной флексии в качестве морфологического показателя И. мн.

В ходе реализации тенденции к однозначной соотнесенности грамматических значений и способов их выражения «взаимные интересы» обеих категорий пересекутся и наложатся в области устранения синонимии родовых парадигм. Действительно, установление однозначной связи между родом и парадигмой одновременно сокращает и упорядочивает синонимию числовых флексий. Если бы во мн. числе вместо десяти парадигм, функционировавших в древнерусском языке старшей поры, стало три (соответственно родовым значениям), это означало бы устранение синонимии родовых парадигм и — одновременно — сокращение синонимичных падежно-числовых форм. Ведь при этом каждому падежно-числовому значению соответствовало бы не более трех форм (муж., жен. и ср. рода), в отношении к значению числа синонимичных. Но дальнейшее устранение синонимии падежно-числовых форм могло бы осуществляться только за счет устранения родовых морфологических различий.

Устранение же родовой синонимии не предполагает устранения числовых противопоставлений. Числовые противопоставления включены в родовую парадигму, их последовательное морфологическое выражение увеличивает силу оппозиции родовых парадигм. Так, парадигма ср. рода типа *село* в ед. числе противопоставлена парадигме муж. рода типа *плодъ* (И.-В. *село*, но *плодъ*) менее выразительно, чем в совокупности форм всех трех чисел (ср.: И. мн. *села*, но *плоди*; В. мн. *села*, но *плоды*; И.-В. дв. *сельъ*, но *лода*).

Другими словами, устранение родовой синонимии не вступает в противоречие с выражением числовых значений и способствует сокращению синонимии падежно-числовых флексий. Последовательное же устранение числовой синонимии предполагает устранение (поглощение) родовых различий.

В этой ситуации наиболее ранних и последовательных преобразований следует ожидать в области унификации родовых парадигм, где сфера деятельности категорий рода и числа совпадает.

Именно так обстоит дело в древнерусском языке старшего периода. На этом этапе развитие субстантивного склонения предопределяется родовой классификацией существительных. Сокращение родовой синонимии осуществляется как взаимодействие, объединение парадигм существительных одного грамматического рода: парадигм муж. рода типа *плодъ* и *медъ*, *гость* и *камень*, а после установления фонологической корреляции твердых и мягких согласных — также *конь* и *гость*; ср. рода *село* и *слово*, жен. рода *кость* и *кръвь*. В ряду этих процессов следует рассматривать также объединение форм твердой и мягкой разновидностей, устранявшее различия между парадигмами, не связанные с грамматическим родом, и тем самым увеличивающее участие рода в классификации субстантивных парадигм. В результате всех этих преобразований происходит сокращение словоизменительных моделей каждого грамматического рода, при этом, вплоть до конца древнерусского периода, параллельно в ед., дв. и мн. числе.

Как вытекает из наблюдений над языком памятников XI—XIV вв. [4, п. 3], ограничение родовой синонимии осуществляется именно как унификация парадигм, а не отдельных падежных форм: взаимодействие любых двух словоизменительных моделей наблюдается во всех различающихся в этих моделях падежно-числовых формах. Это соответствует структурной организации родовых противопоставлений как противопоставлений вертикального ряда. Все эти процессы приводят к ограничению синонимии и родовых, и падежно-числовых показателей.

Преобразования такого рода сохраняют актуальность на протяжении всей истории русского языка и находят развитие в современных говорах, однако с конца древнерусского периода ограничиваются формами ед. числа.

Приблизительно с XIII в. тенденция к однозначной соотнесенности грамматических числовых значений и способов их выражения вступает

во второй этап развития — когда унификация падежно-числовых флексий осуществляется за счет устранения различий между родовыми парадигмами. Этот этап развития числовой синонимии связан исключительно с формами мн. числа.

Существеннейшие изменения в морфологической структуре категории числа вызваны изменениями в его грамматической семантике.

Грамматические значения форм числа — наименее разработанная область грамматической семантики, особенно в историческом аспекте. Однако как для современного русского языка, так и для древнерусского старшей поры представляется бесспорным, что отношения между формами числа не ограничиваются сферой выражения количественных значений. Количественные значения, представленные в формах ед., дв. и мн. числа конкретных считаемых существительных — типа *плодъ, двѣа плода, плоди*, — являются лишь частным случаем в выражении инвариантных значений нерасчлененности/расчлененности. Значения нерасчлененности/расчлененности составляют двучленное противопоставление: ед. число, выражающее значение нерасчлененности, противопоставлено дв. и мн. числам, связанным со значением расчлененности. В значительной массе имен существительных значение расчлененности могло быть выраженным лишь в форме мн. числа (без двойственного). У существительных, лексическая семантика которых допускала идею счета, формы дв. и мн. числа по отношению к значению расчлененности были синонимичными.

По-видимому, утрату форм дв. числа в древнерусском языке можно рассматривать как унификацию форм дв. и мн. числа, синонимичных по отношению к грамматическому значению расчлененности. Значение расчлененности в грамматической семантике категории числа актуализируется, выдвигается на первый план. Как более общее по сравнению со значениями двойственности и множественности, оно покрывает их, растворяет в себе.

Как развернутый морфологический процесс замещение форм дв. числа формами мн. числа отражается в письменности с XIII в. В ходе его развития категория рода утрачивает свои морфологические позиции в формах дв. числа. От XIII в. берут свое начало также некоторые важнейшие морфологические процессы, ведущие к сокращению позиций рода во мн. числе — ограничению синонимии флексий мн. числа за счет утраты родовых различий. В частности, обобщение форманта -а- в качестве показателя множественности в Д. и М. падежах¹, устранявшее родовые различия в этих формах: Д. *селаѣмъ, дворянамъ* вместо *селоѣмъ, дворяномъ*; М. *селахъ, дворянахъ* вместо *сельхъ, дворянхъ* и *дворянѣхъ*; ср. исконные формы *странамъ, странахъ*. А также объединение И. и В. падежей по форме В. падежа у слов муж. рода²: в результате распространения в И. п. форм типа *плоды, меды, гости, камени* вместо прежних *столи, медове, гостиѣ, камене* в этой позиции устранялись различия между муж. и жен. родом; ср. исконные формы И.-В. мн.: *страны, кости, матери*.

Следует заметить, что в некоторых исследованиях эти преобразования рассматриваются как результат реализации тенденции к устранению родовых различий во мн. числе. Однако вряд ли может быть удовлетворительно объяснено возникновение такой тенденции — диаметрально противоположной тенденции к морфологическому выражению родовых значений, которая определяет развитие субстантивного склонения на протяжении древнерусского периода и позднее — развитие форм ед. числа. С другой стороны, развитие морфологического строя русского языка убеждает в том, что сложившиеся в системе языка отношения не изме-

¹ Такая интерпретация данного явления восходит к И. В. Ягичу [5]. Подробную аргументацию и развитие данной точки зрения дает В. М. Марков [6; 7; 2, с. 97 и далее].

² Объединение И. и В. падежей — древняя и глубокая тенденция в истории славянских языков (ср. объединение И. и В. ед. в парадигмах типа *камы, църкы*, широко документированное уже письменностью XI в.). Ее реализации во мн. числе могло препятствовать в древнерусском языке старшей поры участие специфических форм И. мн. в маркировании мужского морфологического рода. Существеннейшие изменения в системе грамматических значений и форм числа нейтрализовали «сопротивление» категории рода в отношении объединения И. и В. мн. муж. рода (подробнее см. [4]).

няются беспричинно, они разрушаются лишь тогда, когда препятствуют реализации каких-то других актуализирующихся тенденций. В названных процессах устранение родовых различий во мн. числе оказывается «побочным» результатом в развитии категорий числа и падежа.

С этой точки зрения получает объяснение и одновременное осуществление в языке процессов, приводящих к противоположным результатам в отношении морфологического развития категории рода во мн. числе, как это наблюдается, по крайней мере, на протяжении XIII и XIV вв.³

Дальнейшая унификация синонимичных флексий во мн. числе приводит к утрате родовых различий и формированию специфического показателя множественности *-а* в формах *Д.*, *Т.* и *М.*, а также отчасти *И.* (или *И.-В.*) падежей: *леса*, *лесам*, *лесами*, *лесах*. Формы мн. числа структурно организуются как особая по отношению к системе форм ед. числа парадигма, т. е. грамматические значения, связанные с формами мн. числа, получают выражение в парадигме, подобно родовым значениям в формах ед. числа.

Этим создаются предпосылки для формирования лексических различий между формами ед. и мн. числа, как в случаях типа *медъ* и *меды*, и расширяются условия для развития классов слов, обладающих лишь одной числовой парадигмой (*singularia tantum* и *pluralia tantum*).

В результате преобразований в системе форм мн. числа родовая парадигма, представлявшая собой в древнерусском языке систему падежно-числовых форм (т. е. систему падежных форм ед., дв. и мн. числа), сокращается («укорачивается») до системы форм ед. числа. С этим связана утрата категорией рода характера обязательной грамматической категории. В древнерусском языке старшей поры вне рода не было существительных. Сравнивая с современным состоянием, особо следует подчеркнуть, что в этом отношении не составляли исключения и *pluralia tantum* — род у них находил регулярное выражение и на морфологическом, и на синтаксическом уровне (ср. *ти людие*, *ты сани*, *та ворота*, как *ти гостие*, *ты кости*, *та села*). В дальнейшей истории русского языка отдельные грамматические классы существительных оказываются неохарактеризованными по роду.

С учетом структуры родовых и числовых противопоставлений данное направление изменений в морфологическом выражении категорий числа и рода получает объяснение как результат реализации тенденции к однозначной соотнесенности грамматических значений и способов их выражения за счет устранения синонимии последних. При этом устранение синонимии средств родовых и числовых противопоставлений предстает как параллельный, непрерывный в своем развитии процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
2. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
3. Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М., 1978.
4. Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1983.
5. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, с. 116.
6. Марков В. М. Формы имен в языке Судебников XV—XVI веков. — Уч. зап. Казанского гос. ун-та, 1956, т. 116, кн. 11.
7. Марков В. М. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря. — Уч. зап. Казанского гос. ун-та, 1959, т. 119, кн. 5 (Казань, 1961).

³ Имеются в виду, с одной стороны, унификация парадигм одного грамматического рода, в ходе осуществления которой между родом и флексией устанавливается более тесная связь (или даже однозначная, как при обобщении флексии Р. мн. *-овъ* на раннем этапе — только в кругу существительных муж. рода), с другой стороны — частичная нейтрализация родовых различий в формах *И.* мн. и *Д.*, *М.* мн.